

Е. М. Черноиваненко

КОНЦЕПЦИЯ РИТОРИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Огромные изменения, происходящие в русской литературе начала XIX в. и особенно отчетливо проявившиеся в пушкинском творчестве 30-х гг., невозможно свести к борьбе отдельных литературных направлений, тем более — невозможно объяснить их этой борьбой. С середины XVII в. русская культура все активнее вовлекается в европейский культурный процесс, осваивает достижения европейской культуры и становится “единокровной” ей. Чем ближе к Пушкину, тем более применимы к русской культуре законы европейской культуры. Европейская же культура, как отмечают исследователи, переживает на рубеже XVIII — XIX вв. самый значительный перелом в своей истории. В чем его суть? Она заключается в том, что культура и литература переставали быть риторичными, каковыми были на протяжении почти двух с половиной тысяч лет до этого рубежа. Неужели, однако, культура целой исторической эры, включающей в себя столь своеобразные эпохи, какими являются античность, Средневековье, Ренессанс, барокко, Просвещение, может быть объединена неким единым началом? А если такое возможно, то почему этим началом является именно риторичность? Только ли автор этой статьи придает риторичности столь важное значение? Разумеется, нет, — отвечу я сразу на последний вопрос. В своих поисках я опираюсь на некоторые современные концепции европейского литературного процесса. Одной из таких концепций, активно разрабатывающихся в зарубежной и отечественной науке последних десятилетий, является концепция риторической словесной культуры. Основания ее полвека тому были заложены Э. Р. Курциусом в его — теперь уже ставшей классической — работе “Европейская литература и латинское средневековье”. В советской культурологии 70-х — 80-х годов

разработка этой концепции связана с именами таких авторитетных ученых, как, например, С. С. Аверинцев, Л. М. Баткин, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер, А. В. Михайлов, Д. С. Наливайко.

Так, Л. М. Баткин в книге “Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности” пишет: “Все знают, что европейская словесная культура вплоть до XIX в. основывалась на текстах, понятиях, стилевых приемах, жанрах, сюжетах, заготовленных древностью. ...Пусть сменялись эпохи, пусть происходили духовные перевороты — отправной интеллектуальный материал по-прежнему был в ходу.

...Если иметь в виду употребление некоторых простейших правил литературного изложения, то риторичны не только античные, но также средневековые христианские писатели, ренессансные гуманисты, и барочные авторы, и просветители. А что такое “Брожу ли я среди улиц шумных” или “Пророк”? Все прибегали к набору общих мест, к вытягиванию свойств описываемых предметов в классификационные перечни, к сопоставлению по рубрикам, к рассудочно-моралистическим сближениям и антитезам и проч”. [5, с. 64, 65]. И далее: “Риторика, взятая как всепроникающий инвариант, что и говорить, весьма наглядно отделяет и отдаляет словесное творчество прошлых эпох от Нового времени” [5, с. 66]. С. С. Аверинцев в ряде своих работ убедительно доказал справедливость вывода о том, что “принцип риторики не может не быть “общим знаменателем”, основным фактором гомогенности для эпох столь различных, как античность и средневековье, а с оговорками — Ренессанс, барокко и классицизм” [1, с. 8]. Столь же важную роль начала, связующего культуры разных эпох, отводит риторике и А. В. Михайлов: “В каком смысле античность еще не умирала, а жива и реально присутствует в культурном развитии рубежа XVIII — XIX вв.? Есть ли такая прямая и непосредственная, не прерывавшаяся линия преемственности? Надо думать — есть; такая линия — риторика, но не в узком смысле как техника слагания речи, а в смысле широком, впрочем, очевидно, находящемся в зависимости от того, как в *ars rhetorices* толкуется слово и речь вообще” [17, с. 309].

Важно правильно понять сказанное А. В. Михайловым: риторичность словесной культуры огромной эпохи не сводится вся к риторике как “технике слагания речи”. В этом смысле

характерно то, что одну из своих работ С. С. Аверинцев называл так: "Риторика как подход к обобщению действительности" [2]. Этот особый подход к обобщению материала действительности во многом определял специфику мышления человека, осознание им мира и себя в мире, пронизывал отношение человека к Богу и природе, к жизни и смерти, к женщине и ребенку, обуславливал понимание человеком природы слова и жанра, традиции и творчества, искусства и литературы (Риторичность именно в таком значении я и пытался, насколько мог, представить в своей книге [25]). Этот особый подход к осмыслению мира и жизни не родился из риторики как "техники слагания речи", а сам породил ее: не зря ведь, риторика как наука рождается в античности вместе с философией в качестве "второго Я" философии. Риторика была не просто искусством слова и наукой о слове, она была искусством мышления с помощью слова и наукой о воплощении мысли в слове. Риторика как наука-искусство была манифестом риторики как мышления, как миропонимания, но риторика как мышление и миропонимание никак не может быть сведена к риторике как школьной дисциплине.

Говоря о необходимости широкого понимания риторики, нужно подчеркнуть также и то, что риторика имела непосредственное отношение не только к словесному творчеству. Риторика как особый подход к обобщению материала действительности, как особое мышление и миропонимание определяла специфику художественного мышления в рамках всего искусства, что отмечал еще Э. Р. Курциус: "Риторика наложила печать не только на литературную традицию и продукцию. В период флорентийского кватроченто Л. Б. Альберти советовал художникам познакомиться "с поэтами и риториками", которые могли побудить их к открытию (*inventio!*) и дать форму живописным темам. Этому вполне отвечает тот факт, что Полициано был ученым советником Боттичелли. Как показал А. Варбург, "Рождение Венеры" и "Весна" Боттичелли могли быть иконографически интерпретированы только в соотношении с античными авторами, с которыми была знакома современная поэзия и ученость. Такими же тесными были связи риторики и музыки. ... Система обучения музыке строилась в соответствии с системой обучения риторике. ... Степень сходства (музыкальной теории и риторической — Е. Ч.) настолько ошеломляюща, что мы вынуждены признать; восприятие ан-

тичной риторики было определяющим фактором художественного самовыражения на Западе еще долго после окончания Средневековья» [27, с. 77, 78]. О том же применительно уже к эпохе русского барокко пишет теперь Л. И. Сазонова: "Все виды искусства зависели от риторики. Как универсальный принцип творчества, она подчиняла себе не только литературу, но также музыку и живопись. Являясь общим основанием для всех видов искусств, риторика обеспечивала их взаимодействие и взаимопроникновение" [22, с. 75]. В связи с этим отметим закономерность появления в последние годы работ вроде следующих: Даниэль С. М. Западноевропейская живопись ХУП века: проблемы изобразительной риторики [Советское искусствознание '83. — Вып. 1 [18]. — М.: Сов. художник, 1984. — С. 53-74; Захарова О. Риторика и западноевропейская музыка XVII — первой половины XVIII в. — М.: Музыка, 1983].

Широкое понимание риторики предполагает и понимание того, что отдельные эпохи в рамках эры риторической культуры (античность от века Аристотеля, Средневековье, Возрождение, барокко, Просвещение) не были совершенно одинаково риторичными, риторичность в каждой из них имеет свои специфические оттенки. И это естественно: подход человека к обобщению действительности, человеческое мышление и миропонимание развивались от эпохи к эпохе; кроме того, в разные времена риторике противостояли разные антириторические тенденции.

Однако при всем своеобразии риторичности в словесных культурах разных эпох есть некоторые общие черты риторичности, которые роднят все эти эпохи и объединяют их рамками одной огромной эры риторической словесности. По мнению С. С. Аверинцева, такими общими чертами являются:

"статическая концепция жанра как приличия ("уместного"...) в контексте противоположения "возвышенного" и "низменного" (коррелят сословного принципа); неоспоренность идеала передаваемого из поколения в поколение и кодифицируемого в нормативистской теории ремесленного умения...; господство так называемой рассудочности, т. е. ограниченного рационализма, именно в силу соблюдения фиксированных границ не полагающего своей диалектической противоположности — того протеста против "рассудочности", который заявил о себе в сентиментализме, в движении "бури и натиска" и вполне отчетливо выразил себя в романтизме.

По этим трем признакам и распознается основанная греками и принятая их наследниками поэтика “общего места” — поэтика, поставившая себя под знак риторики. Если же мы обратимся к общей историко-культурной перспективе, то в ее контексте этот тип поэтики предстанет как аналог определенной, и притом весьма долговечной, стадии истории науки (и шире — истории рационализма), а именно стадии мышления преимущественно дедуктивного, силлогистического, “схоластического”, мышления по образу формально-логической, геометрической или юридической парадигматики. За ним стоит гносеология, принципиально и последовательно полагающая познаваемым не частное, но общее (“всякое определение и всякая наука имеют дело с общим” — сказано у Аристотеля). Познавательный примат общего перед частным — необходимая предпосылка всякой риторической культуры” [1, с. 8].

Все эти черты были свойственны словесной культуре греческой (от века Аристотеля) и римской античности, Средневековья и Ренессанса, барокко и Просвещения.

Однако, как мы сказали выше, в риторической словесной культуре каждой из этих эпох существовали и антириторические явления и тенденции. Они заметно активизируются в эпоху Ренессанса и, хотя и не строго последовательно, усиливаются к середине — концу XVIII в. настолько, что начинают пересиливать риторические начала словесной культуры. Как отмечает известный литературовед и культуролог П. А. Гринцер, “в современном литературоведении все больше утверждается мнение, что в характере европейской литературы во второй половине XVIII в. произошли принципиальные изменения. ...Предшествующие эпохи литературного развития справедливо называть риторическими. ... С конца XVIII в. в Европе (а в XIX в. под европейским влиянием и на Востоке) риторические постулаты вытесняются из литературной теории” [11, с. 84-85]. Такого же мнения придерживается и А. В. Михайлов: “Рубеж XVIII — XIX вв. — переломный в истории европейской культуры период, период критический, в течение которого огромные пласты культурной традиции — то, что идет из глубины времен, и то, чему полагается теперь начало, — приходят в столкновение, сосуществуют на самом тесном временном пространстве” [17, с. 308]. М. Т. Петров в своей книге о региональных Ренессансах отмечает: “..нача-

тый Возрождением тип изменений, очень сложный и изживающий себя в европейской культуре только к первой половине XIX в. ...” [19, с. 158]. По мысли С. С. Аверинцева, “...начиная с Ренессанса, заметны какие-то приметы конца риторического принципа” [3, с. 113]. Их значение не стоит преувеличивать: это были немногочисленные и пока еще незначительные трещины в мощном фундаменте риторической словесной культуры. Эпоха Ренессанса, как известно, заканчивается к началу XVII века, но “для торжества действительно новой цивилизации понадобится еще примерно двести — двести пятьдесят лет, пока о нем не возвестят паровой двигатель, парламентские дебаты, учение Дарвина и реалистический роман”, — пишет Л. М. Баткин [4, с. 102]. Это вполне справедливо не только для цивилизации в целом, но и для эстетических представлений. Как отметил А. Ф. Лосев, “...европейская эстетика после Ренессанса еще в течение трехсот лет будет развивать и культивировать отдельные и пока еще плохо расчлененные принципы эстетики Ренессанса” [14, с. 62].

Как видим, эпоха Ренессанса дала толчок процессу вызревания новой цивилизации, процессу, который активно протекает в Европе с начала — середины XVII в. до начала — середины XIX в. (естественно, каждая европейская страна по-своему “вписывалась” в эти хронологические рамки). Так, например, период с середины XVII в. почти до середины XIX в. в качестве особой эпохи чешской истории выделяет Й. Ганзал. В книге “От барокко к романтизму” он пишет: “Эта долгая, длящаяся около двух столетий эпоха, первой длительной фазой которой можно считать барокко, а завершающей — национальное возрождение, в тревожной истории чешского народа чрезвычайно значительна. Обратившись к любой из ее сторон, напр., к экономике, культуре, национальному сознанию или политике, мы должны будем констатировать, что в них всех произошли важные изменения и перевороты, едва ли сопоставимые с происшедшими в любую предшествующую Эпоху. Так было не только в Чехии, аналогично дело обстоит и в других европейских странах” [28, с. 12].

Период постепенного вызревания новой цивилизации совпал с периодом постепенного углубления кризиса риторической словесной культуры. И это естественно: новой цивилизации должен был соответствовать новый тип словесной куль-

туры. 1-я половина XIX в. становится временем утверждения в Европе новой цивилизации и нового типа словесной культуры.

Роль разрушителя устоев риторической культуры сыграл романтизм. О неприятии романтизмом теории и художественной практики классицизма сказано достаточно много. Но важно понять, что “бунт” романтизма против классицизма — это не обычная в истории литературы полемика молодого литературного направления со старым. Конфликт в данном случае был неизмеримо более глубоким и серьезным: романтизм как глашатай принципов новой цивилизации и новой словесной культуры боролся с классицизмом как глашатаем принципов старой цивилизации и старой — риторической — словесной культуры.

Такое (или близкое к нему) понимание роли романтизма в истории европейской художественной культуры далеко не ново. Более полутора десятилетий тому С. Е. Шаталов во вступительной статье к двухтомной “Истории романтизма в русской литературе” писал: “В самое последнее время замечается возврат (разумеется, на новой методологической основе) к давней, но прочно забытой тенденции широкого исторического плана: *возникновение романтизма рассматривается как художественное выражение и одно из проявлений крушения старого мира, феодально-крепостнической системы в целом. Крушение это проявилось в самых различных сферах социально-политических и экономических отношений, на разных уровнях идеологического опосредствования их. В отдельных странах этот общеевропейский процесс протекал в неодинаковых формах и с различной интенсивностью, однако существо его всюду оставалось единым: происходил распад прежних норм морали, эстетических воззрений, общих философских представлений. Переосмысляя и включая эти обломки в собственные идеологические системы, утверждался новый мир с иной системой социально-экономических отношений.* Просветительство как особому идеологическому опосредствованию и высшему достижению этого мира добуржуазной сословной иерархичности шли на смену новые воззрения по всем выдвинутым им проблемам: *новое понимание человека и общества, пространства и времени, морали и долга, социальной гармонии и средств ее достижения*” [26, с. 15]. Аналогичное понимание роли романтизма высказывает И. А. Тертерян в помещенной

в 6-м томе “Истории всемирной литературы” вступительной статье о романтизме: “Романтизм ... основывался на *общекультурном сдвиге, захватившем все сферы общественного сознания*”, он “был настоящей революцией в искусстве...” [23, с. 16, 17]. Почти четверть века назад Г. Д. Гачев так определил значение романтизма: “Основная заслуга романтизма в художественном развитии человечества заключается в том, что он, после того как общество и разум устами Гегеля подписали искусству смертный приговор, не только отстоял необходимость искусства для жизни, но и *выявил ту его специфическую форму и содержание, в которых оно отныне в капиталистическую эпоху и будет существовать. В этом смысле и последующий реализм исходит из этого же типа искусства, который впервые предстал в романтизме*” [10, с. 151].

Итак, романтизм свидетельствовал о разрушении старого мира и утверждении нового, с новой цивилизацией, новыми социально-экономическими отношениями, новой философией, моралью, эстетикой, новым пониманием человека и общества, пространства и времени, новыми представлениями об искусстве и его роли. В романтизме утверждается новый тип искусства, природа которого “в чистом виде” ярко проявится в реализме. Романтизм был знаменем и знаменем этой грандиозной перемены, которую никак нельзя свести к смене одного литературного направления другим.

Так обстояло дело в Европе. Принципиально так же обстояло оно и в России. Согласно нашей периодизации, с XI по середину XVII в. русская литература является литературой религиозно-риторического типа, а с середины XVII до 40-х годов XIX в. — литературой светско-риторического типа. Эпоха становления и развития светско-риторической культуры была эпохой европеизации русской культуры. В ходе европеизации русская культура осваивала достижения европейской, сама становилась все более европейской по характеру и, следовательно, все более органичной частью европейской культуры. Становясь европейской, русская культура в этот период переживала те процессы, решала те проблемы, которые до сего времени пережила и решила европейская культура. Прежде всего нужно было решить ряд возрожденческих проблем. Как отмечает Г. П. Макогоненко в 1-м томе академической “Истории русской литературы”, эти “решения осуществлялись не в мгновенном и однократном акте, но в про-

цессе, который начался в конце XVII столетия и продолжался до 1-й трети XIX в.” [15, с. 470], т. е. на протяжении еще всей первой трети XIX в. Заметим этот конечный срок, он куда более значим, чем календарное начало нового столетия, ведь границы литературных эпох почти никогда не совпадают с границами столетий. Отмечая условность периодизации развития литературы по векам, Г. П. Макогоненко в другой главе названного труда пишет: “1800-й год не прервал развития направлений, тенденций, особенностей новой и быстро формировавшейся на протяжении XVIII в. русской литературы: завершались они в восьмисотые, десятые, двадцатые и даже в тридцатые годы” [16, с. 766]. Итак, по мысли ученого, литература, родившаяся в XVIII в., завершала свое развитие в 30-е годы XIX в. Еще один важный процесс, отмечаемый Г. П. Макогоненко, — это то, что он называет “преодолением канонов классицизма”. Согласно концепции, лежащей в основе “Истории русской литературы”, классицизм, рождаясь в 1730-е гг., сохраняет свое доминирующее положение до конца 1770-х. С 1760 — 1770-х гг. начинается развитие сентиментализма, который в 90-е годы становится ведущим литературным направлением. Казалось бы, теперь с классицизмом должно быть покончено, но нет, он жив и весьма заметен в литературном процессе первой четверти XIX в. В связи с этим Г. П. Макогоненко справедливо замечает: “Преодоление канонов классицизма осуществлялось не сразу, не вдруг, но мучительно и долго (оно продолжалось и в первые десятилетия XIX в.), в напряженных исканиях, не всегда успешных” [16, с. 768]. Согласившись с этим замечанием, придется признать, что классицизм в русской литературе существует в течение целого столетия, и это в эпоху ускоренного ее развития! Чем же объяснить такое поразительное долголетие, да еще в неблагоприятных условиях ускоренного развития? Г. П. Макогоненко не ставил перед собой этот вопрос, но одно его высказывание, сделанное по иному поводу, представляется мне подводящим нас к единственно верному ответу. Характеризуя период от середины 70-х гг. XVIII в. до середины 20-х годов XIX в., ученый пишет: “Данный полувековой период, органически связывавший два столетия..., оказался знаменательным еще и потому, что именно тогда проходил сложный и трудный процесс преодоления господствовавшего до той поры метафизического способа мышления и выработки исторического взгляда на явления мира” [16, с. 769].

Итак, как видим, практически в одно и то же время в русской литературе, по наблюдениям Г. П. Макогоненко, завершается решение возродившихся проблем, завершается развитие направлений, тенденций, особенностей литературы, берущих начало в XVIII веке, завершается трудное и мучительное преодоление канонов классицизма и, наконец, завершается трудный и сложный процесс преодоления метафизического способа мышления. Все эти завершения приходятся на конец 20-х — начало 30-х годов XIX века.

Зная особенности риторической словесной культуры, трудно догадаться, что “метафизический способ мышления” — это способ мышления, характерный для эры риторической словесности. Ясно и то, что “каноны классицизма” преодолевались “мучительно и долго” потому, что это были не каноны одного лишь классицизма, но каноны всей риторической словесности. Решившая главные для себя возрожденческие проблемы и европеизировавшаяся русская культура переживала в это время ту же грандиозную и очень трудную мутацию, которую переживала и европейская культура. Заметим при этом, что культура высшего слоя русского общества и в 20-30-е годы еще несколько отставала от европейской, а потому названную мутацию она должна была бы пережить двумя-тремя десятилетиями позднее. Но она переживает эту метаморфозу в 30-е годы благодаря гению Пушкина, значение творчества которого огромно не только и не столько утверждением нового литературного направления — “критического” реализма — в русской литературе, сколько утверждением новой — нериторической — словесной культуры, нового — эстетического — типа художественно-литературного сознания и типа литературы в культуре, искусстве и литературе России.

Все сказанное позволяет и даже обязывает соотнести предлагаемую нами периодизацию русского литературного процесса, основанную на концепции типов художественно-литературного сознания и типов литературы, с традиционной периодизацией, основанной на концепции литературных направлений и художественных методов.

Согласно традиционной периодизации, на смену средневековой литературе приходит литература Нового времени, иначе говоря — новая русская литература. Но когда это происходит? По мнению ряда авторитетных ученых, этот переход происходит во 2-й половине XVII — начале XVIII в. Так, Д. С. Лиха-

чев в 1-м томе академической “Истории русской литературы” пишет: “XVII век — век перехода к литературе нового времени. ...Близко к этому “переходному веку” примыкает и эпоха петровских преобразований — эпоха, продолжившая и в известной мере завершившая переход к литературе нового типа — типа нового времени” [13, с. 15]. Сходную мысль высказывают в том же издании А. М. Панченко и Г. Н. Моисеева: “Петровская эпоха по праву считается переломной в культурном развитии России. По одну сторону этой межи лежит древняя литература, по другую — новая. ...Однако и новая литература выросла не на пустом месте. Ее корни — в XVII столетии, в силлабическом стихотворстве, в придворном театре и в придворной проповеди, в той барочной культуре, которая привилась в Москве со времен царя Алексея Михайловича” [18, с. 408–409]. Различие между этими двумя суждениями — лишь в нюансе. Если для Д. С. Лихачева эпоха петровских реформ примыкает к переходному XVII веку, то для А. М. Панченко и Г. Н. Моисеевой, наоборот, XVII век примыкает к переломной эпохе Петра. Но, независимо от той или иной нюансировки идеи, начало перелома всеми тремя учеными относится к XVII веку.

Четко прочерчивает верхнюю границу литературного Средневековья Г. Н. Пospelов: “...оно в России продолжалось до середины XVII века...” [20, с. 169]. По мнению А. Н. Робинсона, XVII век “...был тем весьма значительным и своеобразным периодом, который отделял Древнюю Русь от России нового времени” [21, с. 4]. Как считает В. В. Кожин, “до середины XVII века русская культура, несмотря на внешние воздействия, была типично “средневековой”, а с конца XVII века она вступает в период, аналогичный западному Возрождению...” [12, с. 439]. Конец XVII века считает началом нового периода в истории русской культуры и литературы М. Н. Виролайнен [8, с. 4]. В. И. Тюпа отмечает, что “словесная культура “открытого” типа в России зарождается во второй половине XVII в. ...” [24, с. 77]. По мнению В. П. Вомперского, “XVII — начало XVIII в. — это период, когда один тип письменной-литературной культуры сменялся другим...” [9, с. 3].

Но следует помнить и о том, что основоположником новой русской литературы издавна и поныне принято считать Пушкина. Именно в творчестве Пушкина русская литература входит в качественно новое свое состояние: “Если литература

XVIII века ... была скорее публицистикой — выражением взглядов автора, облеченных в более или менее художественную форму, — в творчестве Пушкина, давшего совершеннейшие образцы искусства слова почти во всех его областях, новая русская литература впервые в полной мере обретает себя, становится действительно *художественной* литературой, литературой-искусством”, — пишет Д. Д. Благой [6, с. 121]. Сколь бы осторожно ни формулировал Д. Д. Благой суть происшедшей под влиянием пушкинского творчества метаморфозы в природе русской литературы, громадность этого изменения очевидна: словесность из *публицистики* превращается в *художественную литературу*. Это дает основание, как считает Б. И. Бурсов, называть “...Пушкина *создателем* новой русской литературы, хотя она и возникла приблизительно на полстолетия раньше” [7, с. 55].

И тут резонно спросить: так когда же рождается новая русская литература — с Аввакумом и Симеоном Полоцким в XVII веке, с Ломоносовым в XVIII в. или через восемь десятилетий в XIX веке с Пушкиным? И можно ли назвать Пушкина создателем новой русской литературы, если она возникла ровно за 60 лет до его рождения (напомню, что ломоносовская “Ода на взятие Хотина”, с которой многие литературоведы вслед за Белинским связывают начало новой русской литературы, написана в 1739 году)? А если все же основы новой русской литературы были “положены”, как принято считать, Пушкиным, то как же она существовала почти целое столетие “без основ”?

Традиционная периодизация истории русской литературы неизбежно порождает эти вопросы, ибо основывается на традиционной периодизации истории социально-экономического развития общества, согласно которой с Английской буржуазной революцией XVII века в Европе начинается эпоха Нового времени. Так как переходный характер XVII века в истории России очевиден, то, следовательно, и здесь в XVII веке начался переход к Новому времени. С этим заключением можно согласиться, хотя и со множеством оговорок. Однако загвоздка заключается в том, что в истории литературы отчетливо просматриваются два переломных момента (середины — вторая половина XVII в. и 30-е годы XIX в.), а в истории социально-экономического развития общества для всей этой эпохи предусмотрен лишь один такой переломный момент. Пытаясь

в соответствии с требованиями марксистско-ленинской методологии синхронизировать периодизацию литературной истории с периодизацией социально-экономической истории, мы неизбежно заходим в тупик неразрешимых противоречий. В стремлении каким-либо путем разрешить их, не отказываясь от социологизма, мы и высказываем не слишком обремененные логичностью суждения о том, например, что новая русская литература возникла с первой одой Ломоносова, а через 80 или 90 лет Пушкин начал закладывать ее основы.

Впрочем, весьма распространена и более “диалектичная” точка зрения, согласно которой становление новой русской литературы начинается в середине — второй половине XVII в. и продолжается до конца “века Екатерины II”, а пушкинское творчество является уже этапом зрелости в ее развитии. Это означает, что творчество писателей второй половины XVII века, творчество писателей XVIII века и творчество Пушкина принадлежит одному типу литературы — “типу литературы нового времени”, как назвал его Д. С. Лихачев, утвердившемуся в России в ходе европеизаций русской культуры. Однако, мы уже знаем, что в европейской культуре рубежа XVIII — XIX веков и русской культуре 20 — 30-х годов происходит грандиозный “геологический сдвиг”, ознаменовавший окончание эры риторической словесной культуры. Утверждается принципиально новый тип словесной культуры, новый тип художественно-литературного сознания, новый тип литературы, принципиально иной, чем тот, к которому принадлежали протопоп Аввакум и монах Симеон, Сумароков и Ломоносов, Радищев и Карамзин. Эпоха, предшествующая перелому, и эпоха, последовавшая за ним, лишь чисто хронологически могут быть соотношены с помощью понятий “молодость” — “зрелость”. Если соотносить их на основе их культурно-художественной специфики, то тут более уместны иные биографические понятия — “смерть” и “рождение”.

Характерное для социологической методологии стремление обусловить надстроечные явления базисными закономерно порождало попытки подвергать периодизацию литературного процесса под периодизацию социально-экономического и политического развития страны. Опыт советского литературоведения убедительно свидетельствует об ошибочности такого подхода. И если уж мы отказались от одиозной периодизации литературного процесса XIX века на основе ленинской

периодизации русского революционно-освободительного движения, то пора бы отказаться и от других социологических догм, равно как и от упрощенно-эволюционистского взгляда на развитие культуры, искусства, литературы.

Пусть историки спорят о том, когда началось Новое время в Европе — в XVII веке после Английской буржуазной революции или в конце XVIII века после Великой французской революции. Пусть историки решают, когда началось Новое время в России — после раскола в XVII веке, после петровских реформ в XVIII в., после Отечественной войны 1812 года или после восстания 14 декабря 1825 года. Как теперь принято говорить, “это их проблемы”. Периодизация литературного процесса должна основываться на познанных нами закономерностях *литературного* (а не социально-экономического, политического, классового и любого другого) развития. Периодизация литературного процесса на основе концепции типов художественно-литературного сознания и типов литературы, учитывающая именно закономерности собственно литературного развития, позволяет увидеть, что единого “типа литературы Нового времени” не было. С Аввакумом и Симеоном Полоцким в XVII в. начинается утверждение в русской словесности светско-риторического типа художественно-литературного сознания и типа литературы. Окончательное утверждение их связано с именем Ломоносова. Однако “...в качестве утвердившейся и оформившейся парадигмальная культура (так М. Н. Виралайнэн называет тип словесной культуры, который мной обозначен как “светско-риторический”. — Е. Ч.) существовала в России чрезвычайно недолго. Почти столетие ушло на то, чтобы она сложилась..., но как только она утвердилась в своих правах — тут же началось ее разрушение”, — пишет М. Н. Виралайнэн [8, с. 12]. В начале XIX в. это разрушение довершалось романтизмом, и в творчестве Пушкина утверждался уже новый тип художественно-литературного сознания и тип литературы — эстетический. Его окончательное утверждение в качестве господствующего можно датировать концом 40-х — началом 50-х годов. Такой подход к периодизации русского литературного процесса позволяет понять и то, почему Белинский, обычно столь точный в своих суждениях, колебался, отвечая на вопрос о том, с кого начинается

русская литература: в одних случаях он называет ее родоначальником Ломоносова, в других — Пушкина: при всей несхожести этих двух великих фигур, роль их в истории русской литературы была схожей.

Такова предлагаемая нами периодизация русского литературного процесса. Ну, а совпадают ли ее “узловые” даты с важнейшими датами в истории социально-экономического или политического развития России, — это уже вопрос, не входящий в круг интересующих нас. Ныне, слава Богу, можно позволить себе считать его незначительным.

Куда более значительным представляется то, что предложенная здесь периодизация русского литературного процесса совпадает с некоторыми периодизациями, предлагавшимися ранее и построенными на иных концептуальных основаниях. Так, например, академик В. М. Истрин в вышедшей 90 лет назад работе “Опыт методологического введения в историю русской литературы” [СПб, 1907] говорит о трех периодах: древнем (допетровском), новом (начинающемся в петровскую эпоху) и новейшем (начинающемся с 40-х годов XIX в.). При этом новейшая русская литература отличается от новой как оригинальная русская литература от заимствованной, подражательной, а также как литература изящная (т. е., говоря современным языком, художественная) от литературы, не являющейся таковой. Для нас в этой периодизации знаменательно и выделение В. М. Истриным не двух (древней и новой), а трех периодов в истории русской литературы, и обозначение временных рубежей между периодами, и указание на качественное отличие новейшей литературы от новой (как художественной от нехудожественной). Всем этим периодизация, предложенная выдающимся русским литературоведом, близка нашей, хотя, разумеется, В. М. Истрин во многом иначе видел и понимал развитие русской литературы. Такая близость куда важнее и ценнее, чем близость литературной периодизации к какой-либо периодизации очень далеких от литературы социально-экономических или политических процессов.

Литература

1. Аверинцев С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература / Поэтика древнегреческой литературы. — М., 1981.
2. Аверинцев С. С. Риторика как подход к обобщению действительности / Там же.
3. Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации / Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. — М., 1986.
4. Баткин Л. М. Тип культуры как историческая целостность // Вопросы философии. — 1969. — № 9.
5. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. — М., 1989.
6. Благой Д. Д. От Пушкина до Горького / Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней; В 2-х т. — 2-е изд. — М., 1979.
7. Бурсов Б. И. Национальное своеобразие русской литературы. — 2-е изд., дораб. — Л., 1967.
8. Виролайнен М. Н. Типология культурных эпох русской истории // Русская литература. — 1991. — № 1.
9. Вомперский В. П. Риторика в России XVII — XVIII вв. — М., 1988.
10. Гачев Г. Д. Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа. — М., 1972.
11. Гринцер П. А. Литературы древности и средневековья в системе исторической поэтики / Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. — М., 1986.
12. Кожин В. В. Возрождение или средневековье? / Кожин В. В. Размышления о русской литературе. — М., 1991.
13. Лихачев Д. С. Своеобразие исторического пути русской литературы X — первой четверти XVIII в. / История русской литературы: В 4-х т. — Л., 1980.
14. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. — М., 1978.
15. Макогоненко Г. П. Пути становления русской литературы XVII века и формирование ее национального своеобразия / История русской литературы: В 4-х т. — Л., 1980. — Т. 1.
16. Макогоненко Г. П. Литературные традиции XVIII столетия и русская литература XIX века / Там же.
17. Михайлов А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII-XIX вв. / Античность как тип культуры. — М., 1988.
18. Панченко А. М., Моисеева Г. Н. Новые идеологические и художественные явления в литературной жизни первой четверти XVIII века / История русской литературы: В 4-х т. — Л., 1980.
19. Петров М. Т. Проблема Возрождения в советской науке. Спорные вопросы региональных ренессансов. — Л., 1989.

20. *Поспелов Г. Н.* Стадиальное развитие европейских литератур. — М., 1988.
21. *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. — М., 1974.
22. *Сазонова Л. И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII века). — М., 1991.
23. *Тертерян И. А.* Введение / История всемирной литературы. В 9-ти т. — М., 1989.
24. *Тюпа В. И.* Соотношение каузального и имманентного в литературном развитии / Литературный процесс. — М., 1981.
25. *Черноиваненко Е. М.* Литературный процесс в историко-культурном контексте. Развитие и смена типов литературы и художественно-литературного сознания в русской словесности XI-XX веков. — Одеса, 1997.
26. *Шаталов С. Е.* Введение / История романтизма в русской литературе. Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790 — 1825). — Л., 1979.
27. *Curtius E. r.* European Literature and the Latin Middle Ages. — Princeton: Princeton University Press, 1990.
28. *Hanzal J.* Od baroka k romantismu. Ke zrozeni novodobé české kultury. — Praha, 1987.